

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ СОВЕТСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ В МАНЬЧУРИИ И СЕВЕРНОЙ КОРЕЕ В 1945 г.¹

Смирнов Сергей Викторович

*д.и.н., доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

На основе архивных материалов и воспоминаний бывших репатриантов представлены факты участия русских эмигрантов в составе подразделений РККА в советско-японской войне 1945 г. Острый недостаток в кадрах переводчиков заставил советское командование привлечь в ряды РККА эмигрантов, которые работали в лагерях военнопленных, в отрядах, зачищавших территорию от остатков японских войск, в группах контрразведки, выявлявших японских военных преступников и их пособников. По мере исчезновения надобности в их услугах большая часть эмигрантов, работавших в советских воинских подразделениях, были арестованы и депортированы в СССР.

Ключевые слова: русская эмиграция, РККА, СМЕРШ, Маньчжурия, Северная Корея.

RUSSIAN EMIGRANTS IN SOVIET RED ARMY UNITS IN MANCHURIA AND NORTH KOREA IN 1945

Smirnov Sergey V.

*doctor of History, professor of the Department of Modern and
contemporary History, Ural Federal University,
Yekaterinburg*

The article presents the facts of participation of Russian emigrants in the Red Army units in the Soviet-Japanese war of 1945 based on archival materials and memoirs of former repatriates. An acute shortage

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 19-59-51004 «Роль диаспоральных сообществ в социально-экономическом и культурном развитии России и Кореи в XX в. (на материалах сообществ русских эмигрантов в Корею и корейской общины Урала)».

of translators forced the Soviet command to attract emigrants to the Red Army who worked in pow camps, in detachments that cleared the territory of the remnants of Japanese troops, in counterintelligence groups that identified Japanese war criminals and their accomplices. As the need for their services disappeared, most of the emigrants who worked in Soviet military units were arrested and deported to the USSR.

Key words: Russian emigration, Red Army, SMERSH, Manchuria, North Korea.

75-летняя годовщина окончания Второй мировой войны вызвала к жизни большое количество публикаций, посвященных ее последним событиям – боевым операциям советской Красной армии против японских войск на территории Китая и Кореи. При этом факт участия проживавших в этих странах русских эмигрантов в разгроме Японии и установлении полного советского контроля на освобожденной территории практически не озвучивается, а иногда роль эмиграции сводится лишь к пособничеству и сотрудничеству с японскими властями [3]. Между тем, русские эмигранты, также как участники китайского и корейского антияпонского сопротивления, внесли свой вклад в дело победы.

В результате советско-японского вооруженного противостояния в августе 1945 г. под советским контролем оказалась огромная территория, включавшая в себя Маньчжурию, часть Внутренней Монголии и Северную Корею. После окончания основных боев на подконтрольной советским войскам территории оставалось большое количество различных по величине японских воинских контингентов, часть из которых продолжала сопротивляться, что делало необходимым их нейтрализацию и разоружение. Массовая сдача в плен десятков тысяч японских солдат и военнослужащих армии Маньчжоу-го требовала организации приема вооружения, размещения, обеспечения питанием и медицинской помощью, охраны военнопленных. Советское командование остро нуждалось в кадрах переводчиков, которые не только бы владели местными языками, но и были хорошо знакомы с местностью, социальной обстановкой, деятельностью японских административных и силовых структур. Не смотря на недоверие к белоэмигрантам («белобандитам»), позиционировавшимся советской пропагандой яркими

врагами советской власти и пособниками мирового империализма, советской стороной в связи с нехваткой собственных кадров было решено привлечь в отдельные подразделения РККА и СМЕРШ эмигрантов, которые и сами горели желанием помочь Родине.

Русские эмигранты, численность которых к середине 1940-х гг. на северо-востоке Китая и в Корее составляла около 70 тысяч человек, в целом были негативно настроены по отношению к японской администрации, активно проводившей с конца 1930-х гг. политику идеологической и культурной унификации на подчиненной ей территории. Усилению антияпонского негативизма способствовал стремительный рост патриотизма в эмигрантской среде в годы войны СССР против гитлеровской Германии. Особенно это было характерно для молодого поколения эмигрантов, не пережившего ужасов Гражданской войны и не желавшего быть слепым орудием в руках японских колониальных властей. Эмигрантский патриотизм подпитывался и обещаниями советской стороны не мстить за прошлое. Согласно воспоминаниям В. Ю. Янковского, «все последние годы белоэмигранты жили под постоянный аккомпанемент советской подпольной радиостанции «Отчизна», которая от имени правительства СССР ежедневно призывала их верить “самой гуманной в мире Новой России”: “Братья и сестры, ждите, мы скоро придем; окажите всемерное содействие. Не тревожьтесь и не сомневайтесь, вы все прощены!”» [6, с. 393].

К концу войны отдельные представители эмигрантской молодежи, главным образом в Харбине, имели контакты с советской разведкой, а также предпринимали попытки по организации антияпонского сопротивления. Например, способствовали распространению среди эмигрантов сведений, поставлявшихся подпольной радиостанцией «Отчизна» о реальных событиях на основных театрах боевых действий, особенно на советско-германском фронте. Отношение к работе радиостанции имел М. А. Матковский, в прошлом один из создателей Российской фашистской партии, видный деятель эмигрантского «правительства» в Харбине – Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ). Матковский, сотрудничавший с советской разведкой, сформировал подпольный молодежный кружок, в задачи которого входила в том числе организация терактов против японских войск [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 33925. т. 2, л. 13; д. 20311, л. 101].

Именно на эмигрантскую молодежь и сделало ставку летом 1945 г. советское командование. Свою роль здесь сыграл и тот факт, что эмигрантская молодежь благодаря воздействию интернациональной «улицы», эмигрантской школы, в учебных программах которой в 1930-е гг. большое место занимало изучение китайского и японского языков, а также разнообразных курсов с обязательной лингвистической подготовкой, организовывавшихся японскими властями, лучше владела местными (китайский, корейский, японский) языками.

Среди привлеченных к сотрудничеству молодых эмигрантов особое место занимали имевшие опыт обучения и службы в русских воинских и полицейских отрядах, разведывательно-пропагандистских структурах Японской военной миссии (ЯВМ). Причины были вполне очевидны: эти люди в той или иной степени были посвящены в особенности функционирования этих структур, лично знакомы с их японским командованием, имели спецподготовку (необходимую при боестолкновениях или бунтах в лагерях военнопленных) и нередко знали японскую агентуру из числа эмигрантов и местных жителей – китайцев и корейцев. К тому же привлечение к работе этих людей позволяло держать их под постоянным контролем.

В середине августа, когда в Маньчжурии еще продолжались бои, советское командование прибегло к помощи бывших русских военнослужащих армии Маньчжоу-го (русские воинские отряды – РВО), которые несли охрану важных объектов в Харбине, на ст. Сунгари-2, Аньда [4, с. 203–206]. Сформированные в поселках на восточной линии Северо-Маньчжурской железной дороги (бывшая КВЖД) эмигрантские отряды самообороны участвовали совместно с советскими комендантскими подразделениями в задержании и ликвидации мелких разрозненных групп японских военных [2, с. 65; 4, с. 216].

Отдельные эмигранты, официально поставленные на войсковое довольствие в подразделениях РККА, работали в лагерях военнопленных, в советских отрядах, зачищавших территорию от остатков японских войск, в группах контрразведки, выявлявших японских военных преступников и их пособников. Приведем несколько примеров.

Подпоручик Иван Яшков (1917 г. р.) в годы войны служил в штабе учебных команд горно-лесной полиции Маньчжоу-го в качестве переводчика (1942–1944), а позднее вплоть до расформи-

рования русских воинских отрядов в июле 1945 г. занимал должность адъютанта командира Ханьдаохэцзийского РВО. Яшков прекрасно владел японским языком, поскольку еще в 9-летнем возрасте попал в Японию, где жил 13 лет и учился в японской школе. В августе 1945 г. подпоручик был назначен японцами командиром одного из русских диверсионных отрядов, сформированных на ст. Ханьдаохэцзы, но участвовать в боевых действиях не стал, а ушел с отрядом в поселок русских староверов Романовка, откуда происходила большая часть членов его отряда. В Романовке отрядники влились в самоохрану поселка и с приходом советских войск участвовали в ликвидации групп японских камикадзе. Яшков получил предложение от советского командования занять должность штатного переводчика, в задачи которого входило ведение переговоров с японскими военными служащими на предмет сдачи в плен. До начала сентября Яшков исправно исполнял свои обязанности, приняв участие в разоружении нескольких групп японцев общей численностью свыше тысячи человек, за что был представлен генерал-майором А. А. Сараевым, заместителем командира 231-й стрелковой дивизии, к ордену [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 35091, л. 8-10, 198, 221].

Другой яркий пример демонстрирует случай трех братьев Янковских. Семья знаменитых российских дальневосточных конезаводчиков, оленеводов и охотников эмигрировала осенью 1922 г. в Корею. Здесь, в районе гор. Сейсин (Новина и Лукоморье), Янковские, преодолев немало сложностей сумели организовать процветающее семейное предприятие, основанное на разведении оленей, промысловой охоте и курортном бизнесе. В 1941 г. старший из трех сыновей Юрия Михайловича Янковского Валерий отделился от отца и перебрался в соседнюю Маньчжурию, где недалеко от границы с Кореей организовал собственное хозяйство – Тигровый хутор. В конце войны к Валерию присоединился его младший брат Юрий, недавно отслуживший в одном из РВО. В Корее в хозяйстве отца остался только средний сын – Арсений. Начало советско-японской войны братья Янковские встретили с большим патриотическим подъемом, предложив свои услуги советскому командованию, которое не преминуло воспользоваться хорошими лингвистическими навыками эмигрантов – корейский и японский языки, и их знаниями местности и туземных обычаев.

Валерий и Юрий получили должности штатных переводчиков Особого отдела 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта [6, с. 395], Арсений – в контрразведке Тихоокеанского флота [5, с. 148]. По воспоминаниям Валерия, они с братом в составе Особого отдела 25-й армии «проделали путь от города Яньцзи в Маньчжурии до вновь образованной столицы Северной Кореи – Пхеньяна. И прослужили здесь до января 1946 года... Столовались в офицерской столовой, получали оклад по тысяче рублей в месяц. В свободные вечера немало времени проводили в обществе веселых корейских гейш» [6, с. 395].

Интересно отметить, как была организована работа переводчиков. «Работа в отделе начиналась, как говорили, по образцу, заведенному Сталиным: с пяти вечера и почти до утра. Вели допросы арестованных жандармов, чиновников, полицейских. Выступали переводчиками на суде. Днем не возбранялось участвовать в работе штаба тыла при заключении разного рода договоров и коммерческих сделок по снабжению армии. Это приносило немалый интерес: корейские купцы по традиции вручали переводчикам солидные вознаграждения...» [Там же].

В Пхеньяне в октябре 1945 г. Янковские участвовали в проведении первого публичного выступления будущего лидера Корейской Народно-демократической республики Ким Ир Сена в городе Моранбон [Там же, с. 395–397].

Советское командование высоко оценивало работу эмигрантов и некоторые из них были даже представлены к советским наградам. Однако по мере исчезновения надобности в их услугах большая часть эмигрантов, работавших в подразделениях РККА и СМЕРШ, были арестованы и депортированы в Советский Союз. Подпоручик Яшков был арестован в начале сентября 1945 г. на ст. Ханьдаохэцзы, куда он прибыл по приказу советской стороны [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 35091, л. 198]. Валерия и Юрия Янковских арестовали в январе 1946 г. в Пхеньяне [6, с. 400]. Удача улыбнулась только Арсению, который, зная о своем готовящемся аресте, сумел вместе с женой пересечь 38-ю параллель и уйти в Южную Корею. Здесь Арсений поступил на службу в американскую разведку, а после окончания Корейской войны перебрался в Японию, где сделал успешную деловую карьеру. В дальнейшем вплоть до своей смерти жил в Сан-Франциско [5, с. 148].

Участие определенной части русской эмиграции в годы Второй мировой войны в борьбе против СССР на стороне ее противников до сих пор остается, и сегодня особенно актуализировалось, очень сложной проблемой как в отечественной исторической науке, так и в российском общественном сознании. В ряды эмигрантской «антибольшевистской боевой оппозиции» неизменно включают и эмигрантов, проживавших на территории союзного Японии государства Маньчжоу-го, несмотря на то, что Советский Союз и Япония сохраняли нейтралитет на протяжении всей войны, а большая часть т. н. воинских подразделений из эмигрантов были бутафорскими и никакого участия в боевых действиях периода советско-японской войны не приняли. В этой связи объективная оценка роли и места русских дальневосточных эмигрантов, в массе своей активно поддерживавших Советский Союз, в событиях августа 1945 г. позволит удержаться между Сциллой поголовного зачисления эмиграции в разряд коллаборационистов и врагов советского народа и Харибдой апологетики эмигрантского «анти-сталинского сопротивления».

Список литературы

1. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Архивно-следственные дела.
2. Каменев В. В. Маньчжурские были. Барим в сорок пятом // Русская Атлантида. 2001. № 6. С. 63–67.
3. Многослойная история малоизвестной войны [Эл. ресурс] // Хабаровский край сегодня. URL: <https://www.todaykhv.ru/news/75-years-of-victory/28806/> (дата обращения: 24.10.2020).
4. Смирнов С. В., Буяков А. М. Отряд Асано. Русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945). М.: Алгоритм, 2016. 320 с.
5. Шорохи прошлого. Дневники, письма и раннее литературное творчество членов семьи Янковских. Владивосток: Рубеж, 2017. 632 с.
6. Янковский В. Ю. От Сидеми до Новины. Дальневосточная сага. Владивосток: Рубеж, 2017. 608 с.